Нила Кинд

Итальянский этюд в ковидных тонах

18+

Нила Кинд

Итальянский этюд в ковидных тонах

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кинд Н.

Итальянский этюд в ковидных тонах / Н. Кинд — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Он – итальянец, астрофизик, работает в обсерватории в пригороде Флоренции, у него взрослый сын от первого брака; она – юная художница, ей всего 20, приехала во Флоренцию из России учиться живописи. Любовь настигает их внезапно и развивается стремительно, несмотря на противодействие родных и «неудачный» для всего мира период…

© Кинд Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 16
Глава 19
Глава 6 22
Глава 7 26
Глава 8 30
Глава 9 34
Глава 10 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Нила Кинд
Итальянский этюд в ковидных тонах

ЧАСТЬ I
ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭТЮД

Глава 1

Арчетри (посёлок в 2 км к югу от Флоренции). 17 июля 2019 года.

Витторио видел эту девушку на том же самом месте уже второй раз. Холм, на котором располагалась их обсерватория, часто выбирали художники, чтобы рисовать открывающуюся с его вершины Флоренцию. Обычных туристов тоже хватало, тем более что рядом находилась вилла, где под надзором инквизиции провёл последние годы жизни знаменитый Галилей. Но девушка была именно из первых, из художников. Наверняка училась мастерству живописи в одном из заведений Флоренции. И она наверняка была из России. Витторио не мог бы точно сформулировать признаки, по которым определял русских представительниц прекрасного пола, но ещё ни разу не допустил ошибки. Было в их облике что-то неуловимое, что отличало их от европеек. Более женственные, что ли… Он решил проверить свою догадку, заодно посмотреть, что именно она рисует с таким увлечением, глядя совсем не в ту сторону, где находился город, а куда-то себе под ноги. На девушке поверх белоснежного льняного брючного костюма был фартук, заляпанный цветными пятнами от масляных красок. Тёмно-каштановые волосы спускались из-под белой широкополой шляпы по спине густыми волнами почти до складной табуреточки, на которой она сидела. Странно, что девушка по такой жаре носила волосы распущенными.

Витторио подошёл к ней. На установленном на мольберте холсте красовался уже почти законченный гладкошёрстный ярко-рыжий кот. Свернувшись кольцом, он спал в тени миртового куста, как и сам «натурщик», который, по всей вероятности, считал себя сотрудником, а то и хозяином обсерватории, так как его часто можно было встретить прогуливающимся вокруг с важным видом ревизора.

Девушка занесла руку с кисточкой, чтобы нанести ещё мазок, но остановилась. Витторио понял, почему, – подойдя так близко, загородил собой солнце и на мольберт упала тень.

– Mi scusi! (Извините меня!) – проговорил он и отступил вбок, «вернув» прежнее освещение.

Девушка коснулась холста, сделав видимое только ей дополнение, лишь потом обернулась. «Конечно русская, – с удовлетворением, что подтвердилось его предположение, подумал он, – только у них бывают такие чуть курносые милые носики и такое выражение глаз». Какое «такое», он, опять же, затруднился бы обозначить конкретным словом. Глаза у девушки имели необычный тёмно-зелёный оттенок, сейчас, когда в них светило солнце и она щурилась, разглядеть их цвет точнее не было возможности.

– Buongiorno! (Здравствуйте!) – поздоровался он, не скрывая удовольствия от лицезрения её симпатичного личика.

– Buon pomerrigio! (Добрый день!) – ответила она и покраснела. Её следующая фраза объяснила причину: – Io non parlo l'italiano (Я не говорю по-итальянски).

«Значит, она либо приехала в отпуск, а рисование просто её хобби, либо учится во Флоренции в Российской академии искусств, где не требуется знание итальянского», – продолжил он свои рассуждения.

– Вы из России? – спросил Витторио.

Лицо девушки просияло, она встала со своей табуреточки, оказавшись на голову ниже него.

– Вы говорите по-русски?!

– Немного… И не знаю, насколько понятно из-за акцента, – улыбнулся он. – У меня пару лет была русская коллега.

– Очень понятно! – сделала она ему комплимент. – И очень приятно встретить итальянца, говорящего по-русски! А я мечтаю выучить ваш язык, обожаю, как он звучит.

– Обязательно выучите, как правило, если человек талантлив, то в нескольких областях, – он кивнул на её картину. – Думаю, натурщику понравился бы его портрет, если бы он соизволил открыть глаза.

Девушка восхищённо воскликнула:

– Вы не просто говорите по-русски, но говорите совершенно потрясающе! Не все умеют так выражать свои мысли даже на родном языке.

– Это заслуга вашей великой литературы, – ответил Витторио, продолжая улыбаться и одновременно разглядывать её: чистая, чуть смуглая от лёгкого загара кожа, ресницы длинные, чёрные, как и брови, высокий лоб, небольшой изящный рот, тёмно-розовые губы без помады, на ней вообще не было косметики, маленькие аккуратные раковины ушей, за которые были заправлены прядки её волнистых волос, правильный овал лица. Пожалуй, она не просто симпатичная, а красивая. И если бы задумывалась об этом, то использовала бы свою внешность для завоевания мужских сердец. Он знал, что многие девушки из России приезжали в Италию именно с такой целью. И некоторым это удавалось. Правда, он не располагал данными, многие ли романы дошли в своём развитии до алтаря, даже стало интересно. Ведь по менталитету итальянские мужчины не просто сильно, а очень сильно отличались от их соотечественников.

– Меня зовут Витторио.

– А фамилия? – с детской непосредственностью спросила девушка.

Он рассмеялся.

– Витторио Марчетти.

– Витторио Марчетти… – словно попробовала она его имя на вкус. – Музыка… – девушка обезоруживающе улыбнулась. – Знаете, что я люблю больше всего делать, когда не рисую? Ходить по улочкам и читать итальянские фамилии на табличках на дверях домов или названия улиц. Это просто ни с чем не сравнимое удовольствие!

Увидев, как смеются его глаза, спохватилась:

– А я Полина.

– А фамилия? – лукаво передразнил её он.

– Андреева.

– Приятно познакомиться, Полина Андреева. И позвольте сделать вам комплимент, вы столь же красивы, как и талантливы.

Выражение лица девушки почему-то сменилось на грустное, как будто бы он сказал что-то неприятное. Витторио удивился.

– Спасибо, – поблагодарила она всё с тем же опечаленным видом. – Вам, наверное, пора на работу? Я правильно понимаю, что вы работаете в обсерватории?

– Правильно, – подтвердил он, гадая, что могло её так внезапно расстроить. – И мне действительно пора… И очень жалко с вами расставаться.

Полина вздохнула. Ему показалось, недоверчиво.

– ArrivederLa! (До свидания!) – кивнула она.

– Ну зачем так официально? – он попробовал вернуть улыбку на её лицо. – Думаю, мы уже столько узнали друг о друге, что можно сказать – Arrivederci. И мне бы хотелось продолжить наше знакомство, хотя бы для того, чтобы попрактиковаться в русском. Вы не против, если я приглашу вас провести вечер в моей компании?

– Хорошо… – ответила Полина, ещё больше помрачнев.

– Простите, возможно, я нарушил ваши планы? – растерялся Витторио. – Вы можете сами назвать день и час.

– Нет-нет, всё в порядке, – она смотрела на него с серьёзным и чуть смущённым видом.

Витторио вдруг подумал, уж не в нём ли дело, возможно, он не настолько приглянулся девушке, чтобы ей было приятно встретиться с ним ещё раз? Хотя обычно он нравился женщинам. Ничего отталкивающего в его внешности уж точно не было. Может, её смутило кольцо

на его руке? Он знал, что в России обручальные кольца принято носить на правой, она могла забыть, что у католиков всё наоборот и сейчас его кольцо означало статус вдовца. Он похоронил жену три года назад, она погибла в автомобильной аварии.

– Тогда… я освобожусь через два часа, вы будете здесь? Или дайте мне ваш номер телефона.

– Я буду рисовать, – сказала Полина. – Я отвлеклась на кота и не выполнила задание. Так что через два часа точно буду здесь.

Он ещё раз бросил взгляд на портрет рыжего красавца, потом поискал глазами оригинал. За время их беседы тот куда-то ушёл, наверняка «инспектировать» территорию. Отойдя от Полины на десяток метров, Витторио обернулся, девушка опять сидела на табуреточке, аккуратно ставила новый холст на мольберт…

Глава 2

Москва. 3 июня 2019 года.

– Полинка, не вздумай там влюбиться! – напутствовала подруга, помогая собирать чемодан. – Тем более едешь на целый год! Держи голову холодной. Помни рассказы «очевидцев», итальянские мужики обожают сыпать комплиментами, они так устроены. Но за красивыми словами может вообще не быть никаких серьёзных чувств. А если и будут, то лишь весьма кратковременные. Флирт и интрижки у них в крови. И не вздумай выскочить за итальянца замуж. Хранить верность жёнам вообще не в их национальной традиции!

– Я помню, помню, – терпеливо отвечала Поля, – ты мне повторяешь это каждый день по нескольку раз.

– Потому что переживаю за тебя! – обиделась Наталья. – Ты симпатичная, поэтому точно попадёшься на крючок какого-нибудь мачо, которому просто захочется развлечься. Ты же на лёгкие отношения неспособна в принципе. И будешь страдать.

– Я еду учиться живописи и любоваться красотами. Ты только представь – И-та-ли-я, – Поля мечтательно закатила глаза, произнеся название по слогам. – Флоренция… Город, где каждое здание, каждый камушек пропитан историей и немыслимой красотой… А окрестности?.. Холмы, покрытые оливковыми рощами, в предзакатных лучах солнца, дрожание капелек росы на лепестках роз рано поутру, зелёные свечи кипарисов, выглядывающие из сизой дымки… При чём здесь итальянские мачо? Они вообще не вписываются в пейзаж.

– Ну-ну… – скептически вздохнула Наталья. – Главное, не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Флоренция. 6 июня 2019 года.

Насколько была права подруга, стало очевидно с того момента, как Полина сошла с трамвая, это был самый дешёвый способ преодолеть четыре километра, отделяющие аэропорт от центра Флоренции. Горячие взгляды и улыбки черноволосых и черноглазых парней и молодых мужчин, сплошь стильно одетых красавцев (возможно, ей так показалось, лиц она от волнения и эйфории, охватившей её сразу по прилёту, пока не различала), посыпались на неё как из рога изобилия, сопровождаемые восхищённым: Com'e bella! (Какая вы красавица!) Это полностью совпадало с первыми впечатлениями, о которых рассказывали девчонки, вернувшиеся из Италии. Многие из них оставили там свою невинность, привезя с собой обратно лишь разбитые сердца.

Если бы Полина могла предположить, что её мечта учиться живописи во Флоренции когда-нибудь станет явью, она, разумеется, выучила бы итальянский хотя бы на уровне разговорного. Но она никогда не верила, что подобная поездка возможна. А потому решила не тратить времени на новый язык (в её багаже был английский), лучше она будет совершенствоваться в искусстве, которому себя посвятила. И вдруг, вопреки её неверию в чудо, она стоит практически в самом сердце сказочного города, а по её щекам текут слёзы восторга. К Полине периодически обращались молодые люди с предложениями помощи, она смотрела на них затуманившимся взглядом с таким же восхищением, как и на всё вокруг, улыбаясь и отвечая приготовленной заранее фразой на итальянском: Grazie mille, ci penso io (Большое спасибо, я справлюсь сама), хотя её предупредили, что во Флоренции она вполне свободно может использовать английский, здесь, в туристической мекке, его знают на том или ином уровне практически все. Маршрут до адреса, по которому она будет жить в съёмной квартире в обществе двоих девушек, приехавших во Флоренцию с той же целью, что и она, Поля изучила ещё дома по карте и намеревалась преодолеть весь путь пешком, любуясь на красоты и достопримечательности.

Названия улиц она выучила наизусть и с упоением произносила их, они были вкусными как самое восхитительное пирожное, ласкали слух как самая прекрасная симфония и словно бы гладили уши как самые нежные пальцы… Via Panzani… Via del Moro… Via della Spada…

Годичный курс обучения в Академии начинался в конце сентября, но она скопила денег ещё на один, трёхмесячный летний – «Пленэр плюс портрет». С девушками, будущими соседками по квартире, познакомилась в интернете. Обе приехали из столицы Урала, имели за плечами художественные школы, у неё самой был ещё и год занятий на подготовительном отделении Суриковского, но с первого раза поступить не удалось, может, и к лучшему. Если бы поступила, не оказалась бы сейчас во Флоренции.

Квартира располагалась в мансардном этаже старинного дома, из удобств – газовая колонка на крошечной кухне, маленький холодильник, совмещённый санузел размером чуть больше холодильника, зато две изолированные комнаты: в одной разместились подруги из Екатеринбурга, во второй – Полина. Из небольшого окошка при желании можно было бы вылезти на крышу. Жалко, что она выглядела слишком покатой, а выгоревшая на солнце черепица слишком ненадёжной, иначе бы Поля с удовольствием воспользовалась такой возможностью, чтобы рисовать виды города.

– Это круто, что комнаты изолированные! – радовались соседки. – Можно будет одну использовать для свиданий!

– Да, наверное, – растерянно согласилась Полина. Самой ей подобное и в голову не пришло, тем более после напутствий и предупреждений, которыми Наталья пичкала её, наверное, уже полгода, как только Полина оплатила курс.

Девушки с подозрением оглядели её.

– Ты что, приехала сюда только учиться?

– Ну… да, – кивнула Поля, краснея.

– А парень у тебя когда-нибудь был?

– Был… – с запинкой ответила Полина. Он действительно был. Она даже какое-то время думала, что влюблена, пока он не стал слишком настойчиво тянуть её в постель. Ей же хотелось продлить романтический период их отношений, проверить чувства. И так случилось, что проверку её «рыцарь» не прошёл: не получив от неё желаемого, быстро подобрал замену. Полина в своей доверчивости не сразу заметила, что между ними появился кто-то третий, узнала об этом от «доброжелателей». Неделю она рыдала, потом вдруг осознала, что всё к лучшему. Значит, рядом с ней был «герой не её романа», а её герой наверняка где-то ходит, наверняка ждёт встречи.

Её «был», произнесённое с запинкой, девушек в заблуждение не ввело.

– То есть ты пока непорочная дева? Решать, конечно, тебе, можешь и дальше такой оставаться, только нам тогда не мешай, ладно? У нас есть конкретная цель – остаться в Италии. Замужество – лучший способ. Итальянцы очень падки на женскую красоту, хотя дотащить их до стадии брака задача непростая. Но выполнимая. Тут главное понравиться маме избранника, без её одобрения ничто не происходит. И ещё нужно быть осторожной и не налететь на женатика. Флиртуют они напропалую, а вот разводиться ни за что не будут, слишком суровые законы тут для них, до конца жизни придётся бывшую содержать, – просвещали Полину соседки, хотя она ни о каких советах не спрашивала и вообще мечтала поскорее принять душ с дороги, переодеться и отправиться бродить по городу. Если бы не необходимость экономить, она бы с удовольствием поселилась одна, но такая роскошь была ей не по карману.

Глава 3

Арчетри (посёлок в 2 км к югу от Флоренции). 17 июля 2019 года.

На мольберт упала тень, Полина подумала, что на послеобеденное солнце набежало облачко, и на секунду замешкалась с последним мазком. Тень тут же исчезла, одновременно с этим раздался приятный мужской голос, принесший извинения: Mi scusi! Она не сразу смогла отключиться мыслями от картины, нанесла завершающий штрих. Вот теперь кот окончательно ожил под её кистью. Полину охватило чувство счастья, ей всё больше удавалось передавать на холсте то, что хотелось. Она обернулась с радостной улыбкой. Мужчина стоял против солнца, и она не сразу смогла разглядеть его черты. Он поздоровался. Голос был невероятно мелодичный, Полина за месяц пребывания в Италии уже многое понимала, даже жалела, что на занятиях чаще всего использовался русский, так как преподаватель был из Петербургской академии искусств, иначе её успехи в итальянском были бы заметнее. Ей не хватало именно практики общения. И очень мешало стеснение. Наедине с собой она пыталась говорить, но, как только перед ней оказывался живой собеседник, все слова и фразы мгновенно улетучивались, их место занимали английские аналоги. Вот и сейчас она смутилась, едва произнесла ответное приветствие, пришлось опять использовать «палочку-выручалочку» в виде фразы: Io non parlo l'italiano.

Она всё ещё не могла отчётливо рассмотреть мужчину, только то, что он был высокий и элегантный, последнее, впрочем, уже казалось ей отличительной чертой итальянцев, у них был безупречный вкус в том, что касалось манеры одеваться, причём они умудрялись сочетать, на первый взгляд, несочетаемые вещи. Разглядеть лицо незнакомца ей по-прежнему мешало слепящее глаза солнце. Заметив это, он опять сместился, но теперь ей помешало удивление – он заговорил с ней по-русски, безусловно, с акцентом, но настолько уверенно, что Полина поняла, его владение языком не исчерпывается парой заученных фраз. Продолжение беседы доказало, что она не ошиблась, и привело её в полный восторг. К этому моменту она уже успела подпасть под обаяние его смеющихся глаз.

Мужчина был выше её на голову, рассматривал её с доброй открытой улыбкой. Вероятно, его улыбка и возможность свободно выражать мысли на родном языке совершенно вытеснили её обычную застенчивость, оставив только удовольствие от разговора. И всё шло прекрасно до того момента, как он перешёл к комплиментам. Сразу зазвучал в ушах строгий голос подруги: «Держи голову холодной… обожают сыпать комплиментами… так устроены…» – и множество уже услышанных в свой адрес: Com'e bella! Сейчас комплименты прозвучали по-русски, но настроение почему-то стало портиться. Наверняка он предложит ей встретиться в «неформальной обстановке». Так и случилось. Она расстроилась ещё больше. Однако ответить отказом не смогла. Испугалась, что это будет выглядеть как грубость и невоспитанность, а Витторио такого отношения не заслужил, был вежлив и… очень красив. Полина заметила обручальное кольцо на его правой руке, задумалась, что оно означает в его жизни, семейную драму или трагедию… И вообще всё в нём вызывало её интерес, не только личные обстоятельства, но и работа в обсерватории, наверняка он часто смотрит на звёзды…

Два часа, на которые они расстались, она потратила совсем не на то, на что должна была потратить, ради чего приезжала сюда уже во второй раз – панораму Флоренции. Накануне она отвлеклась на паутину на травинках под миртовым кустом. На неё падало солнце, и паучок, словно переживая, что в таком ярком свете будут заметны огрехи в его кружеве, бегал туда-сюда, латая какие-то дырочки. В итоге на холсте вместо панорамы холмов и города появилась паутинка и паучок. Панорамой же она просто насладилась, впитывая её в себя, в свою память. Сегодня на том месте, где была паутинка, расположился огромный рыжий кот, который тоже напросился на холст. У неё был с собой в запасе ещё один, Полина всегда брала с собой мини-

мум два, если собиралась работать маслом. Установив его на мольберт, она вдруг неожиданно для самой себя стала писать портрет Витторио. Как будто её руки обрели независимость от своей «хозяйки». Она так увлеклась, воссоздавая его лицо, что вздрогнула, когда за спиной раздалось:

– Полина, я тронут, что в качестве задания вы выбрали меня.

Витторио обрадовался, издалека увидев белую шляпу Полины там, где они расстались. Он почему-то боялся, что она уедет, не дождавшись его. Причиной, наверное, было выражение её лица, когда он предложил ей продолжить знакомство. Он так и не понял, чем вызвал грусть девушки, и рассчитывал разобраться «в процессе» предстоящего вечера.

– Узнаваемо? – спросила она, обернувшись на него с улыбкой.

– Вполне. Надеюсь, вы мне оставите его на память?

– Нет, он ещё не дописан. Хотите кота? – Полина протянула Витторио законченный холст.

– Хочу. Спасибо. Портрет начальства должен обязательно висеть на стене. Восполню этот пробел.

– Начальства? – удивилась Полина.

– Во всяком случае кот считает именно так. Он всегда ходит с исключительно важным видом, как и должно ходить начальство.

– Хорошо, что вы наблюдали за ним, значит, вы любите кошачьих, – констатировала Полина. – Мне показалось, что итальянцы больше привязаны к собакам.

Витторио принял задумчивый вид, размышляя над её замечанием. Полина исподтишка его разглядывала. Если бы он ей позировал, то портрет получился бы лучше, хотя главное ей удалось передать – его взгляд, одновременно тёплый и внимательный, за которым читался и жизненный опыт, и открытость к новому. Интересно, сколько ему лет… Она вдруг испугалась, что разница в возрасте может оказаться непривычно большой, хотя для себя она не могла определить, где пролегает та граница, за которой мужчину следует воспринимать «слишком» взрослым… Вряд ли ему больше тридцати пяти… Но ей-то всего двадцать… И потом… не рано ли она озаботилась такой темой?..

– Пожалуй, в ваших словах есть доля правды, – согласился он, – во всяком случае, наши законы действительно больше защищают права собак и наказывают их владельцев за плохой уход или жестокость, имеется ли что-то подобное в отношении кошачьих, я не смог припомнить.

– Мне никогда не выучить итальянский до такой превосходной степени, до какой вы выучили русский, – вздохнула Полина.

– Ну, какие ваши годы, – сказал он со своей обаятельной улыбкой, заодно словно бы отвечая на её невысказанный вопрос о разнице в возрасте. – Так что насчёт вечера? Вы принимаете моё приглашение? – его внимательный взгляд остановился на её глазах.

– Принимаю, – она постаралась, чтобы голос прозвучал непринуждённо.

От Витторио не укрылось смущение девушки. Оно очень шло к её нежному лицу.

– Тогда давайте складывать ваши вещи. Кстати, если вы планировали завтра сюда вернуться, то мы можем оставить их в обсерватории.

Полина не планировала, но задание преподавателя она так и не выполнила, а потому вернуться всё равно придётся. О чём она и сказала Витторио.

– Значит, всё несём ко мне на работу, – улыбнулся он. – Заодно повесим портрет начальства.

Полина потянулась руками за спину, чтобы развязать фартук.

– Давайте я помогу вам, а то испачкаетесь, – Витторио взял её за плечи, чтобы развернуть, от его прикосновения между ними словно пробежал ток, только в отличие от настоящего удара током, например, когда касаешься синтетической поверхности, ощущение было очень

приятным, чересчур… Полина вздрогнула, он опустил руки, смутившись. Она сама повернулась к нему спиной, почувствовала, как он с предельной осторожностью, стараясь не задеть её и слегка приподняв ей волосы, потянул завязки. Полина, чуть дрожащими руками и не глядя на Витторио, сняла фартук и убрала его в пакет, пакет сунула в большую холщовую сумку, в которой носила и складную табуреточку, и свой небольшой мольберт, и краски, и кисти, и холсты в подрамниках, и бутылочку с водой, и пластиковый контейнер с хлебцами и колбасой, последнюю она обычно кому-нибудь скармливала, сама обходясь только ржаными хлебцами. Сегодня, например, колбаса досталась рыжему коту, вероятно, именно сытый желудок настроил его на продолжительный сладкий сон, позволивший ей написать картину.

– Я готова, – прошептала она, голос куда-то подевался. Поднять глаза она всё ещё не решалась.

Витторио понимал, что нужно срочно найти какую-нибудь нейтральную тему для продолжения разговора, лихорадочно перебирал в голове возможные варианты, он совсем не ожидал, что физическое притяжение между ним и Полиной окажется таким сильным, очень боялся окончательно её смутить, услышать отказ от совместных планов на вечер. Она явно не относилась к категории охотниц за итальянским мужем, напоминала мечтательную «тургеневскую» девушку, романтичную и нежную, именно такой образ сложился у него после прочтения огромного количества книг русских авторов «золотого» девятнадцатого века. Он не думал, что ему встретится такая наяву.

– Удивительно, даже не верится, что вы умудрились уместить туда всё, что только что занимало так много места, – произнёс он, чтобы хоть с чего-то начать, и поднимая холщовую сумку Полины. – Мои опасения, что это может не влезть в мой маленький кабинет, полностью развеялись, – он улыбнулся, надеясь, что она подхватит шутку и перестанет быть такой напряжённой.

Полина была благодарна ему за предложенный тон, наконец посмотрела ему в глаза и тоже улыбнулась, хотя застенчиво и робко.

– Я видел вас и вчера, а вот раньше ни разу, – Витторио медленно направился в сторону здания обсерватории.

– А я сегодня приехала сюда только второй раз.

Полина шла рядом, из-за широких полей её шляпы ему не было видно лица девушки, в руках она несла его незаконченный портрет, хотя лично ему работа казалась вполне завершённой и очень нравилась. Особенно то, что Полина явно сосредоточилась на выражении глаз, и ему было приятно, что она восприняла его именно таким.

– Давайте я понесу ваше начальство, пока вы несёте мою сумку, – предложила она.

Витторио мысленно поаплодировал тому, как Полина выходит из смутившей их обоих ситуации.

– Ваши руки уже заняты моей персоной. Начальство я донесу сам.

– Мне ещё никогда не доводилось бывать в обсерватории, – призналась она, когда они подошли ко входу и Витторио открыл перед ней дверь.

– Если вам интересно, я покажу вам звёздное небо. У меня завтра ночное дежурство.

– Очень интересно, – воскликнула Полина и тут же залилась краской, осознав, что речь идёт про ночь.

– К сожалению, днём увидеть звёзды невозможно, – угадав причину, по какой щёки девушки стали алого цвета, произнёс он, – но я обещаю незабываемые впечатления.

Его мягкий акцент придавал всему, что он говорил, настолько интимную окраску, что Полина покраснела ещё больше. И смутилась до слёз от мысли, что Витторио подумает, будто она боится оставаться с ним наедине, предполагая с его стороны какие-то действия… Или, что ещё хуже, подумает, что она ждёт от него этих действий…

– Расскажете мне о своей работе? – спросила она, призвав на помощь всё своё самообладание.

– С удовольствием. Мы тут занимаемся астрофизикой, изучаем строение небесных тел, их физические и химические свойства… В основном через спектральный анализ, фотографию и фотометрию, ну и через обыкновенные астрономические наблюдения. У нас имеется два телескопа, а в солнечной башне, вы её видели, она самая высокая из наших строений, есть спектрограф и спектрогелиограф, последний для фотографирования Солнца. Кстати, первые спектральные исследования комет и звёзд были проведены именно нашей обсерваторией.

Чтобы заинтересовать Полину, Витторио добавил:

– Ещё мы, астрофизики, пытаемся понять свойства чёрной материи, тёмной энергии, чёрных дыр, определить, возможны ли всё-таки путешествия во времени, существуют ли мультивселенные, какое будущее ждёт нашу собственную… – Он ласково улыбнулся, так заворожённо слушала девушка, кажется, забыла, как смущена была всего минуту назад.

– Здесь можно будет помыть руки, – он указал на одну из дверей, – а здесь мой кабинет. Подержите, пожалуйста, начальство, я открою.

Полина взяла свою картину, ещё раз с удовольствием отметила, что кот ей удался. Выглядел так, словно, проснувшись, потянется вальяжно и направится по делам. И размер холста самый подходящий, 40 х 40 см, она любила работать с этим размером, холсты с подрамниками идеально помещались в сумке и на стене смотрелись не большими и не маленькими, в самый раз.

В кабинете она с любопытством огляделась. Все стены были завешаны картами звёздного неба, схемами, разноцветными спектрограммами и чем-то, напоминающим электрокардиограммы. Обстановка была спартанской. Только стол с компьютером, стул и низкий стеллаж по периметру всего небольшого помещения, заваленный бумагами и рулонами ватмана. Из окна – тот самый вид на холмы и Флоренцию, который ей так и не удалось запечатлеть. Причём в оконной раме он уже смотрелся готовой картиной.

Витторио проследил за её взглядом.

– Могу завтра уступить своё место, чтобы вы, ни на что не отвлекаясь, смогли написать то, что вам нужно. Я так понял, что преподаватель ждёт от вас именно этот вид?

– Этот, – она вздохнула. – Завидую вам, вы можете всё время на него любоваться.

– Вот только пользуюсь этим редко, – он развёл руками, – вечно какие-то дела. Но теперь положение исправится. Потому что вот сюда, – он приложил картину с котом к стене справа от окна, – я повешу этого красавца. И уж на него-то непременно буду любоваться и вспоминать нашу встречу, заодно нет-нет да и брошу взгляд в окно, на город, буду думать, где вы, чем занимаетесь… Полина, – воскликнул Витторио с раскаянием, заметив, что девушка опять залилась краской, – простите, я не хотел вас смутить. Наоборот, мне очень хочется, чтобы вы чувствовали себя рядом со мной уверенно и спокойно.

«Это уж точно совершенно невозможно», – подумала Полина, опять боясь поднять на него глаза.

– Я… пойду помою руки, а то от них пахнет красками и растворителем.

Она быстро вышла. В туалете посмотрела на себя в зеркало. Показалась себе очень красивой. Даже растерялась. Как будто бы и не она. Глаза блестят, на скулах нежный румянец…

– Я готова ехать, – сказала она, снова входя в кабинет. Рыжий кот уже занял предназначенное ему место. Витторио разглядывал его, всё ещё держа в руке молоток.

– Полина, спасибо за чудесный подарок, – он обернулся на неё и замер на мгновение. – А вы, случайно, не пишете картины на заказ?

– Пишу, – не разгадав подтекста, подтвердила Полина, – только благодаря этому мне и удалось скопить деньги на учёбу здесь.

– Тогда примите заказ от меня, – серьёзно попросил он.

– От вас не могу, – отказалась она.

– Почему?!

– Потому что мы почти друзья, вам я могу только сделать что-то в подарок, – искренне ответила Полина. – А какую картину вы хотели заказать?

– Ваш автопортрет. Вы ведь пишете автопортреты?

– Все художники пишут автопортреты, в качестве тренировки, – Полине вдруг стало грустно, словно Витторио намекнул ей на близкое расставание.

Он опять уловил изменение в её лице, опять озадачился причиной её грусти. Жалко, что их отношения не позволяют пока спросить напрямую, что её так опечалило. Витторио отметил про себя, что употребил в своих размышлениях слово «пока», то есть в глубине души надеялся, что наступит время, когда их отношения это позволят…

– Тогда я буду ждать от вас ещё один подарок, – сказал Витторио, – а пока мечтаю отвезти вас в какой-нибудь ресторан и накормить, вы целый день провели на свежем воздухе, наверняка очень проголодались.

– Очень, – призналась Полина. – А что это за радуга из кирпичиков? – уже выходя из кабинета, спросила она, указав на большую цветную фотографию на стене возле двери.

– Так выглядит видимая часть солнечного спектра. А тёмные полоски, из-за которых кажется, что он состоит из кирпичиков, это элементы, атомы которых поглощают свет на тех частотах, на которых сделана спектрограмма. М-м-м, не слишком сложно объяснил?

– Не слишком, – повеселела Полина. – Я любила астрономию в школе, но такую кирпичную радугу ни разу не видела.

– Завтра ночью, когда будем с вами смотреть на звёзды, я расскажу вам ещё много интересного, – сказал Витторио намеренно спокойным тоном.

Его превосходное владение русским языком не позволило Полине усомниться, что он выразился именно так, как хотел выразиться, и не собирался употреблять условное наклонение, никаких «если». Она промолчала, решила, что предстоящий вечер покажет, сможет ли она отважиться на «звёздную ночь» в его обществе.

Машина у Витторио оказалась не машиной в том понимании, какое вкладывала в этот вид транспорта Полина. Это был приземистый спортивный автомобиль, на котором можно гонять по треку наперегонки с ветром, но никак не ездить по улицам города.

– Вы любите скорость? – побледнела она.

– А вы, судя по вашему испуганному лицу, нет, – заключил Витторио. – Значит, поедем медленно.

– А он умеет ездить медленно? – с опаской спросила Полина.

– Кто «он»? – не понял Витторио, удивившись, что она заговорила о нём как о водителе в третьем лице.

– Ваш автомобиль…

– Сейчас узнаю, – Витторио наклонился, сделал вид, что смотрит на спидометр. – Циферки показывают, что должен уметь. – ответил он серьёзным тоном. Потом улыбнулся: – Полина, не бойтесь, я не буду лихачить, везя такую ценную пассажирку.

Выруливая со стоянки, он спросил:

– Сразу в ресторан или вы хотели бы заехать домой?

– Если можно, я хотела бы переодеться, – всё ещё нервничая из-за непривычно низкой посадки, которая не позволяла забыть, что она сидит в «торпеде», сказала Полина.

– Конечно можно.

Глава 4

Флоренция. 17 июля 2019 года.

Витторио действительно старался ехать медленно, то есть на допустимом правилами максимуме. Оба молчали. Но не из-за того, что не могли найти тем, вопросов друг к другу у них имелось множество. Просто Полина боялась отвлекать его от дороги, а он понимал, что она этого боится. Припарковаться близко к дому, где была её квартира, не получилось. Зато пока шли по улице, он выяснил, на каких условиях и с кем она делит жильё.

– Я вас жду, – сказал Витторио, когда они остановились у подъезда, – но это не значит, что вы должны торопиться.

Полина с благодарностью кивнула и скрылась за тяжёлой дверью, которую он придержал для неё. Витторио поднял глаза на окна мансардного этажа, где, как он уже выяснил, была её комната, но свет так и не загорелся, вместо этого снова открылась дверь и вышла Полина всё в том же белом льняном костюме, в каком провела весь день.

В ответ на его невысказанное удивление она смущённо пожала плечами:

– У моих соседок гости, обе комнаты заняты…

По её сконфуженному виду он догадался, «чем» именно заняты комнаты.

– Вы прекрасно выглядите, едем ужинать, – успокоил её он. – Какую кухню вы предпочитаете?

– Итальянскую, – быстро ответила она. – Обожаю вашу пасту и соусы.

Витторио улыбнулся. Пока возвращались к машине, Полина поинтересовалась, где живёт он сам.

– Раньше жил в доме в Арчетри неподалёку от обсерватории, но вот уже три года живу здесь, у меня небольшая квартира, когда нет семьи, много места не нужно.

– А… почему нет семьи? – решилась задать вопрос Полина. – Она ведь была, судя по вашему кольцу…

Витторио пожалел, что упомянул об этом, само вырвалось, говорить с Полиной о своём прошлом ему не хотелось, но и не ответить теперь было нельзя.

– Была… Моя жена погибла в автомобильной аварии три года назад.

– Простите, – пробормотала Полина, всё-таки кольцо на его правой руке означало трагедию, а не драму… Она переживала, что заговорила на эту тему.

– У меня остался сын. Он уже взрослый, живёт отдельно, ему восемнадцать.

– Восемнадцать?! – не удержалась от восклицания Полина и даже остановилась. – Сколько же вам лет? Я была уверена, что не больше тридцати пяти…

Витторио рассмеялся, тоже остановился, глядя на неё весёлыми глазами.

– То есть это был потолок для возраста мужчины, с которым вы согласились бы провести вечер?

– Нет, – Полина вспыхнула, – я только к тому, что вы никак не выглядите старше.

– Я старше ваших предположений совсем ненамного, мне тридцать шесть. Да-да, не удивляйтесь, так бывает. Сын родился, когда мне было столько, сколько ему сейчас. Жена была старше меня на два года. В браке мы прожили пятнадцать лет. Она была дочерью маминой подруги, нас, можно сказать, «поженили», когда я только появился на свет.

Он не любил покойную жену, у них были совершенно разные характеры и взгляды на жизнь, в своё время он просто не смог «ослушаться» мать, но говорить обо всём этом Полине, пожалуй, не стоило.

– Надеюсь, вам понравится то место, куда мы поедем, – сказал Витторио, когда они снова сели в машину.

Полина уже настолько проголодалась, что ей было всё равно куда, лишь бы поскорее, но она постеснялась выразить свои мысли вслух. К счастью, дорога не заняла много времени, а место действительно оказалось потрясающим. На крыше, с видом на всю Флоренцию. Ресторан поэтому назывался панорамным.

– Будете изучать меню или доверитесь мне? – спросил он, с удовольствием глядя на Полину, которая с детским восторгом крутила головой, любуясь, как солнце прощается с городом, поглаживая лучами его черепичные крыши.

– Доверюсь, – благодарно улыбнулась Полина. Сама она никогда не оказалась бы в этом чудесном заведении. Хотя бы из необходимости экономить средства. Судя по антуражу, ресторан относился к разряду дорогих.

Полина немного напряглась, когда им принесли бутылку «Кьянти». Против красного сухого вина она ничего не имела, к тому же странно было бы находиться в Тоскане и не попробовать их фирменное вино, но она нервничала из-за того, что Витторио был за рулём. На этот раз он снова догадался о причине её обеспокоенности.

– Не переживайте, от бокала вина я не опьянею, а, чтобы попасть на штраф за вождение в нетрезвом виде, по нашим законам нужно конкретно набраться, уж точно не вина, – успокоил он её с весёлой улыбкой и поднял свой бокал: – Полина… Давайте выпьем за вас, за ваш художественный талант, который привёл вас во Флоренцию, а главное, на тот холм, где я смог с вами познакомиться.

Полина, слушая тост Витторио, поймала себя на том, что не различает слов, а просто смотрит ему в глаза и почему-то не может отвести взгляд, словно его глаза удерживают её магнитным полем. Он же никак не облегчал ей задачу, тоже не отводя от неё взгляд. Наконец, словно сжалившись, сказал:

– Пейте, вино правда вкусное.

От охватившего её волнения Полина сразу сделала несколько глотков, хотя сначала собиралась лишь пригубить. На голодный желудок и с непривычки (она очень редко пила алкоголь, да и то максимум бокал белого игристого) сразу почувствовала, что пьянеет.

Витторио о чём-то поговорил с официантом, Полина не поняла ни слова, только насладилась музыкой звучания. Официант ушёл, вернулся с тарелкой колбасной нарезки и сырами.

– Это пока готовится паста, – объяснил Витторио, – я совсем не учёл, что на голодный желудок вино может сразу ударить вам в голову.

– Так заметно? – смутилась Полина, голова действительно слегка кружилась.

– Только мне, – улыбнулся он.

С той же улыбкой наблюдал, как она с аппетитом и непосредственностью отправляла в рот закуски.

– Вы сегодня совсем-совсем ничего не ели?

– Я пила утром кофе, а на пленэре съела ржаной хлебец, мою колбасу умяло ваше начальство. Это была плата за услуги натурщика, – проговорила Полина, сконфуженно оглядев опустевшую тарелку. Кажется, вино действительно ударило ей в голову, она и не заметила, как «справилась» с нарезкой.

– Теперь доживёте до основного заказа? – спросил Витторио, не переставая улыбаться.

– Теперь доживу, – она наконец тоже смогла улыбнуться ему в ответ.

– Тогда у меня есть ещё тост, – он снова поднял бокал. – За рыжего кота, за то, что он встретился вам там, где встретился. Вдруг для того, чтобы написать панораму города, вы бы выбрали другое место, где я не увидел бы вас.

– За кота, – Полина сделала крошечный глоток, теперь уже опасаясь последствий, тем более раз они были такими явными. Но, вероятно, глоток всё же сыграл свою роль, так как прибавил ей смелости. – Витторио, вы правда рады, что мы познакомились?

– Очень…

Она опять попала в магнитное поле его глаз и некоторое время не могла из него выбраться.

– Полина… можно мы перейдём на ты, чтобы я мог спросить вас кое о чём? – неожиданно сказал он.

– Что-то личное? – испугалась она. Кажется, она уже и так нарушила все правила и предписания, которыми снабдила её Наталья перед отъездом. Если они с Витторио перейдут на ты, между ними упадёт последний барьер, тогда магнитное поле его глаз станет для неё совсем опасным. – А можно мы ещё побудем на вы? – почти жалобно попросила Полина.

Он вздохнул.

– Ну хорошо, тогда буду продолжать мучиться без ответов на вопросы.

– А вы попробуйте спросить сейчас, вдруг я отвечу? – Полину заинтриговало, что же хотел выяснить у неё Витторио.

– Нет, не буду спрашивать. Лучше вы тоже будете мучиться от любопытства, тогда это будет справедливо.

Им принесли заказ. Блюда были оформлены так красиво и аппетитно, что Полина снова почувствовала голод.

– Можно я начну мучиться после того, как съем это? – сказала она с показательно-умоляющим видом.

Витторио рассмеялся.

– Полина, вы прелесть. Buon appetite!

– Buon appetite!

Глава

5

Флоренция. 17 июля 2019 года.

Солнце зашло, и на город стремительно опустилась ночь, а вместе с ней и прохлада. После тридцатиградусной дневной жары смена температуры показалась Полине чересчур резкой, она принялась дрожать. Витторио тут же заметил это, встал со своего места, обойдя их столик, снял свой пиджак и бережно опустил его на плечи девушки, по-прежнему избегая касаться её. Его пиджак хранил его тепло и вкусно пах каким-то парфюмом. У Полины появилось чувство, будто Витторио её обнял, а потому дрожать она стала лишь сильнее.

– Вам холодно? Давайте уйдём, не хочу, чтобы вы простудились, кто тогда будет смотреть со мной завтра на звёзды? – произнёс Витторио заботливым тоном.

– Мне очень не хочется отсюда уходить, – призналась Полина, – здесь невероятно красиво. Завтра напишу по памяти этот вид. Но вы остались только в одной тонкой рубашке, так что, боюсь, это не вам, а мне не с кем будет смотреть на звёзды.

«Кажется, вино продолжает выполнять роль таблетки храбрости», – почти с испугом подумала Полина, слова про звёзды вырвались у неё помимо воли, ведь она ещё не решила, примет ли предложение Витторио, теперь же получалось, что будто бы приняла, она смущённо потупила взгляд.

– Поднимите глаза, Полина, – его голос приобрёл какое-то новое звучание, бархатистое, обволакивающее своей мягкостью, во всяком случае Полина стала воспринимать его иначе, возможно, было виновато «Кьянти», возможно, накрывшая город темнота или трепетание свечи в прозрачном бокале на их столике…

Она подняла глаза, его магнитное поле притягивало её всё сильнее.

– Не на меня, на небо, – почти шёпотом сказал он, лаская её взглядом.

Полина повернулась на стуле, боком к Витторио, чтобы вырваться из плена его обаяния, лишь потом посмотрела на небо. Ахнула. Конечно, она часто смотрела на звёзды из окошка своей мансарды или когда гуляла вечерами по городу, но здесь они были так близко, что казалось, их можно трогать руками. Жалко, что их яркий свет был холодным, не мог согреть её, унять её дрожь.

– Так вот завтра они будут ещё ближе и прекраснее. А сейчас я действительно боюсь за вас.

Он попросил счёт. Полина бросила прощальный взгляд на панораму ночной Флоренции, загадала желание, чтобы ещё раз вернуться именно в это место и… именно с *ним*.

Витторио обошёл столик, поколебавшись мгновение, подал Полине руку. Она прикоснулась к его ладони своей, между ними снова будто пробежала искра и обожгла их, так что оба невольно отдёрнули руки.

– Как вы объясняете это с точки зрения физики? – пролепетала Полина, чтобы как-то сгладить произошедшее.

– Обычно виновато статическое электричество, – ответил он, переведя дыхание. – Но не в нашем случае…

Полина хотела спросить: «А что виновато в нашем?», но испугалась интимности вопроса. Витторио тоже не стал продолжать опасную тему, просто отодвинул её стул, и она поднялась.

– Хотите покатаемся по городу? – предложил он, когда они сели в машину. – Я бы с удовольствием позвал вас на пешую прогулку, но проблема тёплой одежды для вас так и не решена.

Полина молчала, отвернувшись к окну, чувствуя на себе его взгляд. «Господи, я влюбилась, это ужасно… – билось в её голове – что теперь делать? Он такой взрослый, его сын почти

мой ровесник… Хорошо хотя бы сам он младше моего отца на десять лет, а то совсем был бы кошмар… И… вдруг для него это просто небольшое приключение?.. Или вообще – просто благодарность за подаренную картину?..»

– Полина?.. – мягко позвал Витторио, не дождавшись никакого ответа. – Предлагаю съездить к вам домой за свитером или… что у вас есть для такой погоды?

– Да, домой, – с облегчением произнесла Полина, услышав из того, что он сказал, только это спасительное слово.

Видя, что он ищет место для парковки, она предложила:

– Просто высадите меня у подъезда, и всё.

– Вы хотите закончить наш вечер? Ещё только десять часов… – в его голосе Полине послышались умоляющие нотки. Она тут же сдалась.

– Хорошо, я возьму что-нибудь тёплое.

Они опять шли к её дому, оставив машину почти в квартале от него. На Полине по-прежнему был пиджак Витторио, она в смущении поглядывала на своего спутника, не дрожит ли он сам в своей тонкой шёлковой рубашке. Но, кажется, он не замечал прохлады, о чём-то сосредоточенно размышлял. Спохватившись, что между ними повисло молчание, сказал:

– А что, если ваша комната всё ещё занята? Это бывало раньше?

Полина о таком развитии событий не подумала.

– Нет… Это в первый раз. Наверное, они познакомились недавно, – краснея оттого, что Витторио прекрасно понимает, почему она не смогла попасть в свою комнату, чтобы переодеться, пробормотала Полина.

– Что ж, проверим, – улыбнулся он, открывая тяжёлую дверь. – Мне подождать вас здесь или проводить до квартиры?

– Лучше здесь, я быстро, – она протянула ему пиджак и скрылась в подъезде.

Вернулась Полина действительно быстро.

– Я не знаю, что делать… – растерянно пролепетала она. – Наверное, я могла бы зайти в свою комнату и взять из шкафа вещи, но я стесняюсь…

– Тогда едем кататься, в машине тепло, – успокоил её Витторио, снова накидывая пиджак ей на плечи.

Часа два они колесили по улицам, Полина рассказывала о себе, о своей семье, о своём увлечении живописью и занятиях. Говорила много и торопливо, чтобы не допускать долгих пауз, чтобы не чувствовать волнующего напряжения между ними.

– Витторио, мне неловко задерживать вас дольше, – почти без перехода от того, о чём только что говорила, сказала она, – тем более у вас завтра ещё и ночное дежурство.

– У меня есть предложение, – произнёс он медленно, – я попытаюсь сформулировать его так, чтобы вы его приняли без всякой боязни и стеснения.

У Полины вырвался нервный смешок:

– Теперь уже можете не стараться, я точно не смогу его принять после такого вступления.

– Вы должны делать скидку на то, что я говорю не на родном мне языке.

– Нет, Витторио, если бы не ваш мягкий акцент, поверить, что русский для вас не родной, просто невозможно. Так что никакой скидки я делать не буду.

– Но вам же нужно где-то переночевать? Вы же понимаете, что в вашей квартире ситуация вряд ли изменилась. Я обещаю предоставить вам абсолютно безопасное и комфортное убежище хотя бы на эту ночь. У меня две комнаты, одна в вашем распоряжении.

Он остановил машину, повернулся к ней.

– Полина, другого выхода просто нет. Сейчас пик сезона, все гостиницы заняты, я бы снял вам номер, если бы это было возможно.

– Это было бы ещё более странно, – прошептала Полина, – если бы вы оплатили мне номер. – На её глаза навернулись слёзы, ну девчонки, ну как же они могли забыть про неё?! Про то, что ей некуда будет деться?!

– Зато завтра мы вместе уедем в обсерваторию, всё равно ваши вещи лежат в моём кабинете, – Витторио говорил спокойным тоном, хотя давался он ему нелегко и он прекрасно понимал, как трудно Полине решиться. – Если хотите, я могу оставить вас в квартире одну, а сам уеду и переночую на работе, завтра утром вернусь за вами.

– Хорошо… Спасибо, – наконец выдавила из себя Полина.

Витторио подумал, что она выбрала последний вариант, вздохнул про себя, но Полине ответил улыбкой:

– Вот и отлично.

Глава 6

Флоренция, 18 июля 2019 года.

Дом, в котором находилась квартира Витторио, выглядел таким же старинным, как и тот, где Полина снимала жильё, а располагался недалеко от садов Боболи на улице с красивым названием (впрочем, как и все, которые она до сих пор встречала) – Via di Tivoli.

– Отсюда удобный выезд в Арчетри, – пояснил Витторио.

Оставив машину на закрытой парковке, только для жильцов дома, он пошёл чуть впереди Полины, оглядываясь на неё с ободряющей улыбкой, переживая из-за её побледневшего лица.

– Нам по лестнице на третий этаж, – сказал он в подъезде.

Полина молчала, поднимаясь следом за ним по ступенькам и до сих пор не веря в то, что происходит, мучаясь, что доставила столько хлопот человеку, с которым познакомилась всего несколько часов назад. Теперь же казалось, что его первые обращённые к ней слова – Mi scusi! – прозвучали очень давно… О том, что она умудрилась за такой короткий промежуток времени влюбиться в него по уши, старалась вообще не думать. В этом помогало ей чувство раскаяния из-за причинённых ему неудобств, которое в данный момент заглушало все остальные чувства.

– Прошу, Полина, будьте как дома, – наконец произнёс Витторио, открыв перед ней дверь и пропуская вперёд себя в прихожую, которая, собственно, была частью большой гостиной, где тут же загорелся свет, едва она переступила порог. Налево через открытую дверь просматривалась кухня, направо длинный коридор вёл, по-видимому, в спальню. Белый цвет стен и белая плитка на полу визуально расширяли пространство, на стенах в качестве украшения висели в рамках цветные спектрограммы звёзд и комет. Полина с улыбкой обернулась на Витторио. Он ответил ей тоже улыбкой.

– У вас очень уютно и… такой порядок, когда вы успеваете? – не удержалась от восклицания Полина.

– Ко мне приходит женщина. Для уборки, – тут же добавил он. – Пойдёмте, я покажу вам вашу комнату.

Он повёл её по коридору, одна из стен которого представляла собой сплошной книжный стеллаж, заставленный книгами. Полина остановилась, поражённая.

– У вас такое большое собрание русской классики! Вы что, всё это прочитали?

– Прочитал, многое по нескольку раз. Я очень люблю вашу литературу. Ещё со школы. Потом посещал курсы русского языка, потом, как я уже рассказывал, у меня была русская коллега, она два года работала в нашей обсерватории, у меня была возможность практиковаться в устной речи.

– Наверное, поэтому вы так отличаетесь от того образа итальянского мужчины, который… который… – Полина сбилась с мысли, мучительно покраснела.

– Который у вас сложился из рассказов подруг или соцсетей? – выручил он её с весёлым смехом. – Это хорошо или плохо?

– Не знаю, – честно призналась Полина. – Мне с вами легко. И сложно, – закончила она тихо.

– Давайте будем усиливать первое и уменьшать второе, – произнёс он серьёзно и, пока между ними опять не побежали искры, показал ей на дверь в конце коридора: – Располагайтесь там, бельё чистое, вход в ванную комнату из спальни, в шкафчике есть запасные зубные щётки.

– А где вы разместитесь? – смущаясь, спросила она.

– То есть вы разрешаете мне остаться? – улыбнулся он.

– Уже так поздно…

– В гостиной удобный диван. И есть второй санузел. Так что всё в порядке. Я же говорил, что вы никак меня не стесните. Только, если позволите, я возьму из спальни постельное бельё.

– Конечно, – Полина отступила в сторону, Витторио зашёл в комнату, почти сразу вышел с комплектом белья в руках и тонким одеялом.

– А подушка?

– На диване есть, мне хватит. Спокойной ночи, Полина. Сладких снов. И… спасибо за чудесный вечер. – Он опять улыбнулся своей обаятельной тёплой улыбкой, от которой по телу Полины побежали горячие мурашки.

– Altrettanto! (Взаимно!) – пробормотала она, почему-то воспользовавшись итальянским. – Вы меня завтра разбудите? – спросила она, прежде чем закрыть дверь.

– Конечно, без вас не уеду, не волнуйтесь. И, Полина, если вам что-то понадобится на кухне, смело проходите, я сплю крепко.

Приняв душ, она с трепетом легла на *его* кровать. Была уверена, что не сможет заснуть. Осторожный стук в дверь, казалось, прозвучал сразу, как только она накрылась одеялом.

– Полина, доброе утро! Я жду вас на кухне для завтрака, – раздался голос Витторио. – И… ваши вещи стоят за дверью, – добавил он после небольшой заминки.

Полина открыла глаза, за окном уже вовсю светило солнце. Вчера она забыла опустить штору. «Какие вещи?» – хотела спросить она. У неё с собой ничего не было. Но шаги Витторио уже удалились по коридору. Из кухни доносился сногсшибательный аромат кофе и свежих круассанов, Полина почувствовала, как по сердцу растекается радость оттого, что она скоро его увидит. Закутавшись в простыню, она осторожно выглянула за дверь. На полу лежал её чемодан, рядом на стуле аккуратно висели на спинке те вещи, которые были отглажены и раньше находились в шкафу в её комнате, тут же, прислонённые к стене, стояли в подрамниках её холсты…

Витторио встретил её восторженно-смущённой улыбкой, пытаясь разгадать выражение её лица:

– Полина, вы выглядите потрясающе.

На ней был длинный, до щиколоток, однотонный льняной сарафан под цвет её глаз.

– Я всего лишь выспалась и умылась. И даже не уверена, что выспалась.

Его подкупала её непосредственная искренность. Он был счастлив, что она сидела на его кухне, счастлив ухаживать за ней, понимал, что уже глубоко увяз в своих чувствах, как понимал и то, что нельзя её торопить, нужно дать время её чувствам тоже сформироваться…

– Витторио… что происходит? – тихо спросила она, сев за стол, где уже стояла приготовленная для неё чашка и тарелка с аппетитной выпечкой. – Зачем вы привезли мои вещи?

– Полина, вам нельзя там оставаться, у вас не очень хорошие подруги. Я понимаю, что для вас это серьёзный финансовый вопрос. И прошу вас позволить мне помочь вам его решить.

– Я не могу вам этого позволить, – Полина посмотрела ему в глаза, в её взгляде появилась холодность, которой не было раньше. – Сегодня был исключительный случай, который больше бы не повторился.

– Дайте мне возможность объяснить, – Витторио сел напротив неё, поставил между ними кофейник. – Надо мной живёт одинокая дама, которая сдаёт комнату. Она стоит ровно столько, сколько составляла ваша доля в той квартире.

– Это правда? – взгляд Полины стал теплее.

– Истинная правда. – Витторио обманывал, комната стоила в три раза дороже, но он взял с хозяйки обещание, что по всем финансовым вопросам она будет обращаться только к нему и ни словом не обмолвится квартирантке.

– Когда вы успели переделать столько дел? – Полина повеселела, Витторио мысленно перекрестился.

– Уже девять часов.

– Девять?! Не может быть! Вы из-за меня опаздываете на работу? – Полина сделала движение, словно хотела вскочить из-за стола, Витторио удержал её за руку. Оба невольно посмот-

рели на то место, где произошло касание. В этот раз оно было просто горячим, не заставило их отдёргивать ладони, а потому продлилось дольше необходимого.

– Мне необязательно торопиться. Главное сегодня – это ночное дежурство. В течение дня я могу приехать в любое время. А пока мы можем посмотреть вашу комнату и перенести вещи. Только позавтракайте сначала.

Полине не терпелось увидеть своё новое жильё, а потому она выпила свой кофе почти мгновенно и так же быстро съела хрустящий круассан.

Витторио смотрел на неё со смехом в глазах.

– Вы совсем не насладились вкусом, а я так старался, – с шутливым укором произнёс он.

Щёки Полины опять окрасились румянцем.

– Вы очень мило краснеете, – добавил Витторио, не скрывая любования во взгляде.

– Простите, всё правда было очень вкусно.

Квартира оказалась один в один как квартира Витторио, с той разницей, что часть гостиной была отгорожена стеной, за которой находилась спальня хозяйки. В комнате, где предстояло поселиться Полине, было светло и уютно, только кровать непривычно узкая, словно подчёркивала пункт из условий проживания, что водить «гостей» запрещено.

Полина радостно оглянулась на Витторио:

– Она чудесная!

Хозяйка, дама лет семидесяти, немного чопорная, но вполне доброжелательная, провела Полину по всей квартире, показывая остальные помещения.

– Витторио, не знаю, как вас благодарить! – воскликнула Полина, когда они вернулись к нему за вещами. – Простите мне мою грубость.

– Грубость?! Это ваши слова «Я не могу вам этого позволить»? – он рассмеялся. – Полина – вы прелесть.

– Я ваша должница. Просите, что хотите! – весело продолжала она.

– Прямо вот что хочу? – улыбался он, радуясь её счастливому виду. – Хочу ваш автопортрет, помните? И хочу, чтобы мы перешли на ты.

– Автопортрет обязательно напишу, а к обсуждению второй просьбы вернёмся завтра, – Полина чувствовала такую лёгкость оттого, что так удачно решилась проблема с жильём, что даже позволила себе немного игривости в голосе.

– Почему завтра?

«Потому что сегодня ночью, когда мы будем смотреть на звёзды, мне будет спокойнее, если мы останемся на вы», – ответила она ему мысленно. Ответить вслух забыла, он догадался по выражению её глаз, что она хотела сказать.

– Это ещё не весь список, – произнёс он с показной серьёзностью.

– Выкладывайте! – разрешила Полина, глядя на него сияющими глазами.

– Хочу, чтобы мы вместе завтракали, хотя бы иногда, – поторопился добавить он, пока сияние в глазах Полины не сменилось строгостью.

– Обещаете варить такой же вкусный кофе? – постаралась отшутиться она.

– Обещаю.

– Это всё?

– Нет… Но боюсь, что, если я продолжу перечисление, вы решите, что комната того не стоит.

– Я не буду выполнять всё, лишь то, что смогу. Но мне интересно услышать, о чём вы ещё мечтаете.

– О том, чтобы мы… вместе ужинали, – сказал он осторожно.

– Так… А ещё?

– Остальные пожелания смогу открыть только после того, как вы выполните мою вторую просьбу, – его глаза опять крепко удерживали её на своей орбите.

– Значит, вернёмся к разговору завтра, – выдохнула Полина, отступая к двери. В руках она держала несколько своих холстов, остальные вещи нёс Витторио.

– Оставьте здесь хотя бы картины. Я буду ими любоваться.

– Нет, мне они не нравятся, это просто ученические пробы, я буду их использовать как основу для написания новых.

Когда «переезд» завершился, Витторио напомнил Полине о необходимости захватить с собой какую-нибудь кофту на вечер и ночь.

– А угощение для нашего кота захватим? – вспомнила она.

– Выбирайте в холодильнике всё, что, по вашему мнению, он оценит по достоинству, – Витторио протянул ей пластмассовую кювету, ощутил прилив нежности, когда Полина открыла дверцу холодильника, картина была по-семейному тёплой…

В машине она спросила, как прошла его встреча с её бывшими «соседками», легко ли они отдали незнакомому человеку её вещи, на каком языке он с ними разговаривал.

– На сильно ломаном русском, – покаялся Витторио, – а потому узнал о себе много интересного. И… о вас.

– Обо мне? – растерялась Полина.

Он посмотрел на неё с ласковой усмешкой.

– Не волнуйтесь, они не сказали ничего, что бы я уже про вас не знал. Кстати, они говорили тоже на «сильно ломаном», хорошо, что моих знаний хватило, чтобы понять.

*

– Офигеть, какого классного чувака хапнула себе наша непорочная дева!

Глава 7

Арчетри (посёлок в 2 км к югу от Флоренции). 18 июля 2019 года.

Рыжий кот попался им сразу, как только они, оставив на стоянке машину, направились к зданию обсерватории. Словно поджидал их.

– Кис-кис, – тут же позвала Полина, открывая пластиковую кювету, которую несла в руках в расчёте именно на такую встречу.

Кот с важностью подошёл, неторопливо понюхал угощение, только потом потёрся головой о руку Полины, будто бы говоря: «Ну ладно, угодили», и приступил к еде, выложенной Полиной на траву.

– Завидую ему, – не удержался от вздоха Витторио.

– Вы проголодались? – Полина выпрямилась, хотя всё равно смотрела на Витторио снизу вверх.

Он замешкался с ответом, глядя в её глаза и видя в них заботу, сказать о том, чему он на самом деле позавидовал, не смог, нужно было оформить это шуткой, а шуточный тон сейчас оказался ему недоступен. Он чувствовал, как в нём нарастает волнение по поводу предстоящей ночи. Пожалуй, хорошо, что она отказалась переходить с ним на ты.

– Да, немножко, – наконец произнёс он. – Когда проголодаюсь совсем, а главное, когда проголодаетесь вы, съездим пообедать, в километре отсюда есть неплохая пекарня.

– Хорошо, – кивнула она и, снова наклонившись, погладила кота, который в этот раз даже соизволил извлечь из себя что-то похожее на довольное мурлыкание.

Первое, что бросилось в глаза, когда они вошли в кабинет Витторио, опять же был тот самый кот.

– Всё-таки он вам поразительно удался, я повешу под картину полку, чтобы ему было куда ступить, когда он проснётся, – сказал Витторио. Полина польщённо рассмеялась.

– Полина… Может, вы останетесь и поработаете рядом со мной, нужный вам вид перед вами, – он распахнул створку окна. У Полины опять перехватило дыхание от красоты открывшегося пейзажа.

– Я бы с удовольствием, но… разве я не буду вам мешать? Вы же помните, как много места я занимаю…

– Зато я занимаю мало. Я отодвину свой стол в сторону, чтобы не загораживать вам окно, мне нужен пока лишь мой компьютер.

– И будет сильно пахнуть масляными красками…

– Мне нравится запах краски. К тому же окно открыто.

– А у меня от него поначалу болела голова… Даже думала, что придётся вообще отказаться от работы маслом и писать только акварели или заняться графикой… Вы правда не против, если я тут расположусь?

– Полина, я буду счастлив. Обещаю не отвлекать вас.

– Ну хорошо…

Полина вдруг подумала, что сможет воспользоваться ситуацией и дописать портрет Витторио…

Они отодвинули его стол, потом Витторио помог ей разложить мольберт и её складную табуретку. Немного расстроился, что с его места ему не будет видно её лица, оно как раз оказывалось за мольбертом. Усаживаясь за стол, успел заметить, что перед собой Полина поставила не чистый холст, который они привезли с собой, а его вчерашний портрет. Улыбнулся про себя. Включив компьютер, понял, что вряд ли сегодня сможет думать о работе. С коллегами из Аризоны они трудились над общим проектом, ему нужно было обработать новые данные, полученные в ходе недавней вспышки на Солнце, сильнейшей за последние десятилетия. Про-

сидев полчаса и так и не сумев сосредоточиться, он опять посмотрел на Полину. В отличие от него, она, кажется, была увлечена делом. И, в отличие от него, время для неё, кажется, пролетало незаметно, он же измаялся так долго не видеть её глаз.

– Полина, я умираю от любопытства, можно я подгляжу хотя бы чуть-чуть, – не выдержал он.

– Нельзя, – коротко ответила она.

– Вы безжалостны.

– Вы же меня вчера оставили мучиться от любопытства, так до сих пор и не раскрыли секрет, – не отвлекаясь от работы, возразила она шутливым тоном.

– Я же предупредил, что смогу говорить об этом, когда мы перестанем использовать в общении это официальное «вы».

– Значит, оба терпим до завтра, – не задумываясь произнесла она.

– Я готов уступить в том, что касается моей части сделки, и задать вопросы сейчас.

– Задавайте, мне ведь необязательно будет на них отвечать? – она выглянула из-за мольберта, взглянула на него с лукавой улыбкой.

– Почему вчера вы так погрустнели, когда я сказал, что вы красивы? А когда пригласил провести вместе вечер, вообще стали мрачной…

Полина молчала, было слышно только движение кисти по холсту.

– Всё, можете подойти посмотреть, – наконец сказала она.

Витторио тут же поднялся. В его портрет, который уже казался ему законченным, Полина добавила какие-то неуловимые детали, он не мог бы с точностью определить, какие, но общее впечатление изменилось. Вчера в его глазах она увидела больше тепла и улыбки, сейчас в них появилось глубокое чувство…

Теперь молчал он.

Полина, волнуясь, подняла на него взгляд.

– Вам не нравится?

– Очень нравится, – его акцент стал сильнее, – просто я подумал, что мне больше не нужно искать слова, вы и так всё про меня поняли…

Напряжение между ними опять достигло опасного предела.

– А панораму города я лучше буду писать на улице, хорошо? – просительным тоном сказала Полина, чувствуя, как пылает её лицо.

– Хорошо, – тихо ответил Витторио.

Он вынес её вещи на старое место, сегодня на холме прибавилось художников, но выбранное Полиной оставалось свободным.

– Здесь очень жарко, – он бросил на неё вопросительный взгляд.

– Зато есть ветерок, и тени от дерева мне достаточно, – избегая встречаться с ним глазами, произнесла Полина.

– Позовёте меня, когда захотите сделать перерыв на обед?

– Позову…

Вернувшись в кабинет, Витторио снова взял в руки портрет. У него было странное чувство: непонятно, то ли облегчил ему жизнь тот факт, что Полина догадывается о его серьёзном настрое в отношении неё, то ли, наоборот, затруднил их общение. Кажется, пока больше второе… Зазвонил телефон, мысли о настигшей его любви заслонились рабочими вопросами…

Полина установила чистый холст. Основа на него уже была нанесена, а потому она сразу взялась за пейзаж. Работала вдохновенно и радостно, улыбка не сходила с её губ. Сегодня, дописывая портрет Витторио, украдкой подглядывая за ним из-за мольберта, ловя его взгляды, она окончательно разрешила свои сомнения, и теперь ею завладело восхитительное ощущение: её влюблённость не просто нашла отклик в его сердце, а вызвала глубокий ответ. Нужно было быть совершенно слепой, чтобы не видеть этого. Сердце вдруг забилось быстрее, внутри

словно прокатилась тёплая волна. Полина ещё не успела понять причину, как прозвучал голос Витторио:

– Полина, вы забыли обо всём на свете, про обед уж точно. Вся Италия уже два часа как предаётся отдыху. Клянусь, я терпел сколько мог. Perfetto… – последнее замечание он произнёс тихо, она поняла, что это относится к картине.

– Правда? – она подняла на него глаза, взгляд её был одновременно смущённый и радостный.

– Правда… – он улыбнулся ей, оба почувствовали, как мир вокруг исчезает, оставляя их наедине друг с другом.

– Вы тоже отдыхаете днём? – спросила Полина, опять находясь под его магнетизмом.

– Мне кажется, вы всё меньше верите в то, что я итальянец.

– Это потому, что у меня всё меньше для этого оснований. К вашему акценту я привыкла и перестала его замечать.

– Possiamo parlare metà del tempo in italiano (Мы можем половину времени говорить на итальянском).

Полина тут же затрепетала.

– Per favore, no (Пожалуйста, нет). Я пока стесняюсь, сразу забываю слова.

– Тогда мне придётся придумать другой способ.

– Не нужно ничего придумывать, вы мне нравитесь таким, какой вы есть, – Полина осеклась, посмотрела на Витторио с испугом, он сказал умоляющим тоном:

– Только не забирайте ваши слова обратно и не ссылайтесь на жару, от которой могут путаться мысли. Оставьте мне надежду на взаимность.

– Надежду? – Полина была убеждена, что её чувства для него так же очевидны, как ей очевидны его. Оказывается, он полон неуверенности.

Витторио оторвал от неё взгляд.

– Давайте спасать ваш шедевр. Он сейчас расплавится. Отнесём всё обратно ко мне и поедем обедать туда, где прохладно.

Чтобы не молчать по дороге, усиливая их обоюдное смущение, он снова заговорил о её картинах.

– Полина, можно я оставлю ваши готовые работы себе? Право, я не столь критичен, как вы. Мне нравятся они все. Взамен куплю вам новые холсты?

– А есть среди них что-то, что нравится вам больше других? – с благодарностью поддержала тему Полина и загадала, чтобы он ответил про паутину.

– Кроме кота, портрета и вот этого пейзажа?

– Да, эти не считаем.

– Я отвечу, если вы сначала дадите согласие. А то вдруг мой ответ подпишет приговор остальным картинам.

– Но… право, там есть совсем неудачные…

– Это решать мне как приобретателю. И потом, разве вам не будет интересно сравнивать более поздние работы с более ранними, только так вы сможете судить, насколько растёт ваше мастерство.

– Ну хорошо, уговорили. Так что вы ответите?

– Там есть совершенно очаровательный паучок, который штопает свою паутину…

– Спасибо, Витторио, – в голосе Полины прозвучала искренняя признательность.

Он понял, что она ждала от него именно этого, обрадовался, что их мнения совпали.

– Раз вы сегодня так быстро закончили, то, может, после мы вернёмся в обсерваторию уже только к вечеру? К звёздам? Не будем мучить вас жарой?

– Тогда отвезите меня, пожалуйста, домой…

Витторио не смог скрыть огорчения.

– Вам надоело моё общество?

– Нет, что вы, – горячо возразила Полина. – Просто я чувствую, что действительно пересидела на солнце, хочу под холодную воду, а есть по такой жаре совсем не хочу…

– Хорошо, отвезу вас домой. Тем более что нам по пути, – улыбнулся он ей.

Глава 8

Флоренция. 18 июля 2019 года.

Проводив Полину до двери, Витторио спустился к себе. Нашёл в интернете магазины художественных принадлежностей, сразу сделал заказ на холсты и подрамники. Есть ему тоже не хотелось, он пошёл в душ. Постояв под тепловатыми струями, которые не принесли облегчения от уличного зноя, он вдруг осознал, что Полина, возможно, в эти самые минуты находится в ванной комнате прямо над ним. Между ними только межэтажная перегородка. Он выключил воду. Услышал шум воды наверху… Вспомнил слова Полины «вы мне нравитесь таким, какой вы есть». Можно ли считать это признанием в чувствах? Или это просто вежливость и благодарность за то, что выручил её, когда ей потребовалась помощь? Он стал вспоминать выражение её глаз в разные моменты их общения. Но оно так часто менялось… От детского восторга до взрослой холодности, от радости до разочарования… А то, что происходит между ними на физическом уровне, эти пробегающие между ними искры, кажется, скорее пугают её, чем объясняют, что они созданы друг для друга…

Витторио вдруг услышал её голос. Понял, что она разговаривает по телефону. Видимо, звонок настиг её в ванной комнате, а это было единственное место, где звукоизоляция была низкой за счёт общей вытяжки… Он не хотел подслушивать, схватив полотенце, собрался выйти, но замер, рискуя, что стук его сердца будет слышен и наверху…

Она говорила кому-то:

– Я влюбилась… Даже не так, я люблю его. Он совсем не похож на тех, о ком ты меня предупреждала… … По-русски. Он знает его лучше нас с тобой. Воспитан на нашей классике, ты бы видела его библиотеку. Мне стыдно, что я не прочитала и десятой части тех книг… Я уверена в его чувствах… … Нет, но это и необязательно, мне достаточно видеть его глаза… … Это совсем другое. Зачем ты заговорила о нём?! Он в прошлом. И, кстати, мне есть теперь с чем сравнить…

Витторио стало неловко, он поторопился уйти. Первая часть разговора относилась явно к нему. Сердце всё ещё стучало так, что его биение отдавалось в висках. У него было несколько романов, и когда он был женат, и потом, когда стал вдовцом. Была страсть, которая так же быстро гасла, как и вспыхивала… Но только теперь, к этой девочке, он наконец-то чувствовал любовь. Наконец-то – потому что мечтал о ней. И виновата в этом была, пожалуй, их русская литература. Ему хотелось пережить такую же глубину, даже если придётся потом испытать страдания…

Нужно как-то намекнуть Полине про плохую звукоизоляцию, он боялся снова стать невольным свидетелем личных разговоров. Впрочем, есть второй санузел, не такой комфортный, но он будет пользоваться им, решил Витторио. В ушах, голове и сердце продолжало звучать: «Я люблю его…», наполняя безумной радостью и счастьем. Он только не знал, как теперь удержать их в себе. Может, не тянуть и прямо сегодня сделать ей предложение?.. Тем более что её и так смущает его возраст, а через пять месяцев ему стукнет тридцать семь. Ей же всего двадцать. Когда она, рассказывая ему о себе, упомянула об этом, то, спохватившись, бросила на него виноватый взгляд… У них почти такая же разница, какая была у Андрея Болконского и Наташи Ростовой («Войну и мир» он перечитывал раз пять). Даже на год больше. Шестнадцать лет… Много это в современном мире или не так чтобы?.. Он знал пары и с гораздо большими различиями, правда, не интересовался, насколько гармонично они себя ощущают рядом друг с другом. Если бы не взрослый сын, он бы вообще не чувствовал своего возраста. Сын же не давал забыть про то, что между ними целое поколение. Хотя Джованни, этого безалаберного оболтуса, у которого на уме сплошные вечеринки, нельзя даже близко сравнивать с Полиной.

Раздался звонок в дверь. По тому, как дёрнулось сердце, Витторио понял, что это она. Оделся так быстро, как одевался только в армии. Открыл. Она стояла на пороге с большой стопкой картин.

– Витторио, простите, я, кажется, выдернула вас из душа? – с раскаянием проговорила она, заметив его мокрые волосы.

– Нет-нет, видите, я даже одет, – отшутился он, протягивая руки, чтобы забрать у неё холсты.

– Я решила сразу вам их отдать. Хозяйка жалуется, что у неё болит голова от запаха красок… Я-то уже не чувствую…

– Полина, проходите, я как раз собирался позвать вас хотя бы на чай с лёгкой закуской. И, кстати, уже заказал для вас новые холсты и подрамники. Может, вам нужно что-то ещё для творчества? Я совершенно растерялся от количества наименований того, что предлагают художникам магазины.

Он всматривался в её глаза, стараясь найти в них чувства, в которых она только что признавалась своей подруге. Видел смущение и робость. На ней был другой сарафан, такой же длинный, но светло-песочного цвета с отделкой из белого хлопчатобумажного кружева. Волосы были высушены, но наспех, а потому, как и у него, ещё немного влажные, от этого больше вились.

Полина не стала кокетничать, вошла. Оказалось, чтобы помочь ему с картинами. Взяв несколько верхних, спросила:

– Вы точно не передумали? У вас растерянный вид…

– Растерянный вид совсем по другому поводу. И я даже не предполагал, что выгляжу именно так, – закрывая ногой дверь, произнёс Витторио. – И, конечно, я не передумал. Я рад, что у вашей хозяйки такое тонкое обоняние, значит, могу рассчитывать на то, что и новые работы вы будете хранить у меня.

Он сразу расставил холсты вдоль стены в гостиной. Ему действительно нравились все. В каждой было своё очарование. Хотя, возможно, в его некритичном настрое была виновата любовь к художнице…

Витторио накрыл на стол. Его помощница по хозяйству, Франческа, периодически заполняла продуктами холодильник и готовила обед, если он заранее просил её об этом. Сегодня он не думал, что окажется днём дома, а потому из еды были только колбасы, сыры и овощи. Поколебавшись, он достал бутылку белого вина. Для итальянцев пить вино в любой приём пищи было обычным делом, но он уже знал, что может смутить этим Полину.

– Витторио, чем вам помочь?

– Ничем, мне хочется поухаживать за вами. Хотите я приготовлю пасту?

– Если только для себя, я правда не голодна. И на столе уже всего так много…

– А что вы подумаете, если я предложу вам бокал «Верментино», это лёгкое белое вино, к тому же холодное.

– Подумаю, что я в Италии, а вы всё-таки итальянец, – улыбнулась Полина.

– Это означает да?

Полина растерялась: он произнёс вопрос так серьёзно и смотрел на неё с таким ждущим выражением в глазах, словно бы подразумевал совсем другое «да» …

– Да… – с трудом выговорила она, понимая для себя, что отвечает на «второй» вопрос. Мир опять исчез, они видели только глаза друг друга. Витторио с усилием отвёл взгляд, наполнил их бокалы. Он сделает ей предложение. Сегодня ночью, когда будет показывать ей звёзды… Вот только нужно купить кольцо. Полина не носила украшений, он не знал, что могло бы ей понравиться…

– Предлагаю вам в этот раз сначала что-нибудь съесть, – с нежной улыбкой намекнул он на вчерашнее.

Полина окрасилась румянцем, смущённо засмеялась.

– Да, пожалуй… А то звёзд на небе станет в два раза больше и вам не хватит времени рассказать мне о каждой.

Теперь засмеялся он.

– Полина, мне нравится ваше чувство юмора. Можно мы ещё раз выпьем за вас?

– Нет, за меня мы уже пили, я хочу за вас. За то, что вы любите то же, что люблю я. За то, что вы оказались таким, каким мне бы хотелось, чтобы вы оказались, – она постеснялась бы сказать именно так, если бы у неё оставались хоть какие-то сомнения в его чувствах, но сомнений не было. И она просто была искренней…

– Спасибо… Вы не представляете, как мне приятно это слышать, – Витторио опять сделал над собой усилие, ему хотелось объясниться с ней прямо сейчас…

– И я могу удовлетворить ваше любопытство и ответить на два предыдущих вопроса, – чуть лукаво улыбнулась Полина. – Перед поездкой подружки предупреждали меня, что итальянские мужчины очень легко раздают комплименты и любят флиртовать; боялись, что я попадусь на слова и поступки, за которыми не будет ничего серьёзного. Вы с вашим прекрасным русским языком так мне понравились, что я огорчилась, когда вы перешли к комплиментам и назначили свидание через пять минут после знакомства. Испугалась, что моё первое впечатление о вас было ошибочным… Я очень рада, что это не так…

– Это не так… – его акцент опять был очень заметным. – Полина, мне нужно уехать буквально на час, и я за вами вернусь. Вы не рассердитесь?

– Нет, конечно, – Полина немного растерялась, тут же поднялась из-за стола.

Витторио схватил её за руку, их обоих снова обожгло, но он не отнял своей руки, потянул Полину обратно вниз.

– Простите, я не так выразился. Я не имел в виду сию секунду. А только то, что перед тем, как повезу вас в обсерваторию, отлучусь ненадолго. И у меня к вам большая просьба принять доставку, если она произойдёт в моё отсутствие. Заодно проверите, правильно ли я всё сделал. Я очень старался, – он смотрел на неё с трогательной взволнованностью.

– Хорошо, – Полина всё ещё чувствовала горячий след от его прикосновения, чувствовала, как сладко замирает сердце, когда их глаза встречались. Она бы вообще не отводила от него взгляд, если бы это вписывалось в рамки приличий и если бы так сильно не накаляло воздух вокруг них. Ей захотелось написать ещё один его портрет… Вот с этим выражением трогательной взволнованности…

Он словно прочитал её мысли.

– Полина, давайте перенесём сюда ваш мольберт и краски, раз вы всё равно не сможете работать в своей комнате? В вашем распоряжении вся гостиная. А мне это будет приятно.

– Правда можно? – она не смогла скрыть удовольствия.

– Давайте прямо сейчас, – вскочил Витторио, пока она не передумала.

Если Полина примет сегодня его предложение, он снимет квартиру побольше, где у неё будет комната для работы…

Через четверть часа Полина с улыбкой сказала ему:

– Всё, вы можете ехать по своим делам, мне не терпится опробовать новое место. Здесь столько света!

Они поставили её мольберт перед большим окном. Полина сияла от радости, Витторио не хотелось покидать её, и ему было стыдно, что для того, чтобы определить размер кольца, он сравнивал её пальцы с пальцами своих бывших женщин… Но спросить её напрямую не мог, да и вряд ли она знала, уж коли не носила колец…

– Полина, вот мой номер телефона на всякий случай. Доставка полностью оплачена. – Он помедлил, глядя на неё, прежде чем выйти за дверь.

– La aspetto (Я буду ждать вас), – всё ещё робея от своего итальянского, произнесла Полина.

– Torno subito (Я скоро вернусь), – ласково сказал он и поторопился шагнуть за дверь, так сильно захотелось поцеловать её.

Полина кинулась к мольберту, пока лицо Витторио с нужным ей выражением стояло перед глазами. Ей опять работалось очень легко. Доставка ненадолго отвлекла её. Витторио купил сразу сорок холстов, теперь его квартира стала окончательно напоминать мастерскую художника.

Витторио не поехал в тот ювелирный, где раньше покупал подарки для своих дам и жены и где у него действовала скидка как постоянного клиента. Достаточно того, что он, не спрашивая Полину, «опытным» взглядом определил размер кольца. Сейчас бы ему очень хотелось, чтобы этого «опыта» было меньше.

Ему повезло, он сразу увидел то, что ему понравилось и что, он надеялся, понравится Полине. Колечко было таким же нежным и романтичным, как она сама. С узким золотым ободком и изумрудной каплей под цвет её глаз.

Когда он уже почти въехал на стоянку и рвался скорее оказаться дома, рядом с Полиной, позвонила мать. Как будто почувствовала, что он собирается сделать что-то, не посоветовавшись с ней. С тех пор, как погибла Анита, она не оставляла попыток найти ему невесту, постоянно устраивала для него смотрины. Он был уверен, что и этот её звонок связан с предложением познакомить его с очередной una donna affascinante (обворожительной женщиной). Не ошибся. Терпеливо выслушав бурные описания, сказал, что уже нашёл себе невесту. Как и ожидал, на той стороне повисло долгое молчание, после которого началось ещё более бурное выражение эмоций, преимущественно отрицательных, сетования на то, что он совсем отбился от рук и не уважает традиции, а значит, не видать ему счастья. Затем последовало перечисление родственников, которые, в отличие от него, чтут обычаи, а потому живут со своими половинами в полном согласии. Ещё через четверть часа победило женское любопытство и она поинтересовалась, кто его невеста, что он знает о её семье и прочее. Витторио ответил, что обязательно расскажет, но не сейчас, быстро попрощался и отсоединился, всё равно он уже вызвал гнев в свой адрес. Как говорят русские: «Семь бед – один ответ». Точного аналога в итальянском не было.

Глава 9

Флоренция. 18 июля 2019 года.

Полина услышала, как в замке повернулся ключ, она не заметила, как пролетело время. Портрет в общих чертах был готов, она подумала, что если у них есть в запасе ещё хотя бы час, то она попросит Витторио попозировать и закончит работу. Она встала из-за мольберта, сделала шаг в направлении входной двери. Подойти ближе не успела, он уже вошёл. Увидев её, озарился такой радостной улыбкой, что ей захотелось подбежать к нему и повиснуть на шее.

Витторио замер, любуясь Полиной. На ней снова был её «художественный» фартук в цветных разводах, в квартире поселился стойкий запах масляных красок, Франческа, возможно, будет недовольна, он только сейчас о ней вспомнил, весело подумал, как будет с ней объясняться. Бросив взгляд на подрамники и квадраты холстов, представил, как будет готовить их для Полины, сначала под её руководством, потом сам… Как на этих холстах будут появляться её картины…

– Я так понимаю, вы не теряли времени даром, поэтому у вас такой таинственный вид? – сказал он, борясь со своей счастливой улыбкой, которая раздвигала губы, не давала говорить нормально.

– Хотите посмотреть? – глаза Полины сияли ему в ответ. – Только мне ещё нужно немного его доработать.

– Спрашиваете! Конечно хочу.

Он подошёл к мольберту. Опять увидел своё лицо. Застыл, поражённый. Эта трогательная взволнованность наверняка будет в его взгляде сегодня, когда он будет просить её принять его руку и сердце…

Полину смутило его молчание.

– С таким выражением вы объясняли мне, что не так выразились…

– Правда? – он посмотрел на неё. – Полина, я не представляю, чему вы ещё учитесь и чему ещё собираетесь так долго учиться. Мне кажется, вы полностью сформировались как художник. Но почему опять я? Вы обещали мне свой автопортрет.

– Это потом, – отмахнулась она, обрадованная его словами. – У нас есть ещё сколько-то времени?

– А что?

– Мне бы хотелось дописать портрет. И… чтобы вы попозировали.

– Время есть. Но я не смогу повторить такой же взгляд, как минимум сейчас…

– Это и не нужно. Глаза я больше не буду трогать. Зато представлю завтра оба ваши портрета своему преподавателю.

– Хорошо, командуйте, – сдался Витторио. Сидеть, ничего не делая и только любуясь Полиной, что могло быть в этой жизни лучше?!

– Витторио, – попросила она спустя десять минут, – не смотрите на меня так, вы меня отвлекаете.

– Как «так»?

– С таким… чувством… – она смутилась.

«Вряд ли у меня получится смотреть на вас по-другому…» – чуть было не сказал он, подумал, что это неминуемо повлечёт за собой объяснение, а вдруг ответ окажется не таким, на какой он рассчитывает?.. Лучше пусть он поживёт ещё в этом состоянии радостной надежды…

– Я могу закрыть глаза…

– Лучше смотрите в окно.

– Там я уже всё видел.

– Тогда рассказывайте о чём-нибудь. О чём-то, не связанном со мной. Например, о вашем сыне.

Витторио вздохнул. Меньше всего ему хотелось говорить сейчас о сыне.

– Его зовут Джованни. После смерти матери он жил у бабушки, моей мамы. Когда ему исполнилось восемнадцать, снял квартиру вскладчину с друзьями, кажется, их там минимум пятеро. Работает то там, то тут, ничем особенно не интересуется, ничему учиться не хочет. На уме только развлечения. Пожалуй, это всё. Наверное, я никудышный отец, раз он вырос именно таким…

Полина в изумлении смотрела на него.

– Я вас разочаровал? – в его голосе появилась грусть. Ему не хотелось перекладывать вину за воспитание Джованни, точнее, за «невоспитание», на покойную жену, бывшую тёщу и собственную мать. Но его действительно в своё время «исключили» из процесса, объясняя это поначалу его молодостью (что было правдой), а затем ссылаясь на то, что воспитание детей – это исключительная прерогатива женщин. В итоге получилось то, что получилось.

– Нет, мне вас просто стало жалко. Вы очень переживаете, это видно.

– Полина, лучше давайте говорить о вас, обещаю смотреть в сторону. Буду разглядывать ваши картины.

– Я вам о себе уже почти всё рассказала…

– А когда у вас день рождения?

– Скоро, в начале августа.

– То есть вам исполнится двадцать один? Или, говоря, что вам двадцать, вы уже имели в виду свой близкий день рождения?

– Исполнится двадцать один.

– Отлично. Значит, почти на целых пять месяцев разница между нами сократится до пятнадцати лет, – довольно улыбнулся он. Это было гораздо лучше семнадцати, которых он уже опасался…

Полина засмеялась.

– Витторио, простите мне ту мою реакцию. Мне за неё стыдно. Право, вы выглядите невероятно молодо. Иногда вообще кажетесь мальчишкой. Вот как сейчас. Придётся писать ещё один портрет…

Глава 10

Арчетри (посёлок в 2 км к югу от Флоренции). 18 июля 2019 года.

В машине они опять молчали. Полина поглядывала на него с улыбкой. После того как она «разрешила» ему перестать позировать, Витторио ушёл на кухню, и вскоре оттуда понеслись сумасшедшие ароматы соуса к пасте. Она поторопилась закончить, было очевидно, что портрет и так удался, дальнейшая прорисовка деталей могла бы уже нанести вред, а не принести пользу. Она появилась на пороге кухни, умоляюще сложив руки:

– Витторио, я умираю от вкусных запахов. Вы никогда не думали о том, чтобы открыть свой ресторан?

– Боюсь, что это единственное блюдо, которое я умею готовить. Маловато для ресторанного меню, – он опять откровенно залюбовался ею, Полина купалась в тёплых лучах, которые тянулись к ней от его глаз.

– Так здорово, что вы умеете готовить именно то блюдо, которое я больше всего люблю из вашей кухни, – она села за стол, подперев подбородок кулачками, стала смотреть на его руки, ловко орудующие то ножом, то длинной ложкой для помешивания, то шумовкой. Опять захотелось взять краски и запечатлеть их.

Он разгадал её взгляд, рассмеялся.

– Полина, я подозреваю, что вашего автопортрета мне не дождаться… Так что вы просто обязаны оставить мне оригинал, – последнее вырвалось у него случайно, он запнулся. К счастью, Полина обернула всё шуткой.

– Оригинал перед вами, и с учётом того, что моя мастерская теперь в вашей гостиной, торопиться с автопортретом необязательно.

За ужином она снова отважилась выпить вина. Теперь это уже опять было «Кьянти». То, что приготовил Витторио, было так необычайно вкусно, что Полина не отрывалась от своей тарелки, пока всё не съела. Поймав на себе его смеющийся взгляд, весело сказала:

– Помните, вы приглашали меня вместе ужинать? Так вот, я согласна.

– Полина, вы прелесть, – повторил он. – Ради вас, ради удовольствия видеть, как аппетитно вы едите, я готов провести у плиты свою жизнь…

Теперь с ними в машине ехали несколько пластиковых кювет с пастой, сырами и фруктами и две бутылки вина – чтобы хватило на предстоящую бессонную ночь. Полине казалось, что лицо Витторио становится напряжённым, в сочетании с его нежными взглядами, которые он бросал на неё, это наводило на мысль, что он что-то задумал и волнуется. Наверное, ей тоже следовало волноваться, но Полина чувствовала себя на удивление хорошо, целиком отдавшись радости, которая обосновалась в её душе. Возможно, выпитое вино опять действовало как «таблетка храбрости».

В туристический сезон вечерами в обсерваторию часто приезжали экскурсионные группы. Этот вечер не был исключением. Полина, понимая, что отвлекает Витторио от работы, а он наверняка стесняется ей об этом сказать, выразила пожелание провести время с экскурсией, тем более что она проходила на английском, упросив Витторио заняться своими делами. Всё равно у них потом будет несколько долгих часов наедине со звёздами…

Она ушла с группой китайских туристов в солнечную башню, Витторио сел в своём кабинете к компьютеру, несколько минут смотрел в монитор, понял, что не в состоянии думать ни о чём, кроме предстоящего объяснения. Волнение зашкаливало, словно ему впервые предстояло произнести слова любви. Впрочем, в каком-то смысле это было действительно так… Впервые за этими словами скрывалось подлинное чувство. Он вдруг подумал, что сегодня она может не ответить ему ни да, ни нет… Скажет, что ей нужно посоветоваться с родителями… Если уж его мама пытается до сих пор управлять его жизнью, то что говорить о двадцатилетней девушке?..

Начнут отговаривать, ссылаясь на разность возраста, культур, менталитета, религий, образа жизни… Она даст себя убедить… Витторио почувствовал неуверенность и страх. Захотелось вернуть то ощущение безмерного счастья, когда он услышал её разговор по телефону, её слова о любви к нему…

Он открыл окно, посмотрел на залитую вечерними огнями Флоренцию, на тёмные силуэты холмов. Воздух стремительно остывал. Витторио сделал несколько глубоких вдохов. На подоконник бесшумно запрыгнул рыжий кот, вероятно привлечённый ароматом, который источали кюветы с пастой, сложенные на столе.

– Ciao, amico mio. Sii il mio portafortuna oggi (Привет, мой друг. Будь сегодня моим талисманом).

Витторио положил коту еды, глядя, как он ест, вспоминал Полину, тот момент, когда она гладила и кормила своего «натурщика». Сейчас он тоже мурчал, но Витторио казалось, что совсем не так мелодично, как он мурлыкал для Полины. Для неё он явно исполнял серенаду, для него же просто извлекал из себя довольные урчащие звуки.

– Non innamorarti della mia ragazza! (Не вздумай влюбиться в мою девушку!) – строго сказал он коту. Взяв его на руки, показал ему его портрет, висящий на стене. – Ti riconosci? (Узнаёшь себя?)

Ему показалось, что кот оценивающе прищурился. Витторио опустил его на пол. Кот походил по комнате с хозяйским видом и снова выпрыгнул в окно.

В дверь раздался робкий стук. В сердце тут же вернулась радость. Полина. Они опять будто остались одни в целом мире. Наверное, время в этот момент прекращало свой бег.

«Я соскучилась», – говорили ему её глаза. «Я так счастлив, что ты вернулась», – отвечали его.

– Я не хотела мешать. Вы с кем-то разговаривали, – смущённо пробормотала Полина.

– К нам в гости приходил кот.

– Уже ушёл? – она слегка огорчилась.

– Я уверен, что он ещё вернётся, он видел, как много у нас угощения. Как экскурсия? – Витторио говорил так, будто с трудом вспоминал русские слова. И смотрел на неё так, что она всё-таки разволновалась.

– Интересно… Но слишком долго, я ушла, – она покраснела.

– Полина… – Он понял, что больше не вынесет ожидания, ему необходимо скорее узнать свою судьбу, с учётом его переживаний надежда перестала быть радостной, а значит, и откладывать разговор не имело смысла. – Где ваша кофта?

– Не помню… Может, осталась в машине?.. Хотя там мы бы её сразу увидели… Наверное, я случайно забыла её в своей рабочей сумке дома, утром я положила её туда и, кажется, больше не доставала… А что, вы хотите позвать меня на прогулку? – лепетала Полина, её глаза опять были в плену его глаз.

Витторио снял с себя пиджак, осторожно опустил его на её плечи.

– Если вы замёрзнете, мы сразу вернёмся.

Они вышли на улицу. Звёзды уже усыпали небо, но отсвет от заката в том месте, где село солнце, ещё не давал ночи полностью захватить власть. На стоянке перед обсерваторией находились два туристических автобуса. Через час должна была закончиться экскурсия, уехали бы последние сотрудники, они с Полиной остались бы вдвоём, не считая охранника, но Витторио этот час казался немыслимым количеством томительных минут, по истечении которых (он умудрился уже убедить себя в этом) его будет ждать страдание.

– Витторио, что случилось? Почему вы такой мрачный?

– Мрачный? – переспросил он. – Нет-нет, я просто волнуюсь…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.